

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫЗЪ

Лазарь Кармен

Дунька

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

**Лазарь Кармен
Дунька**

— Дунька, а Дунька! Да куда она запропастилась, противная! — волновалась, высунувшись из окна, Анна Петровна — дама пышная, румяная.

Дунька — худенькая, курносенькая девочка. Ей одиннадцать лет. Прошлой зимой ее привела к Анне Петровне мать, рябая женщина, уроженка ржаной полосы, в сапогах и полушубке.

— Здрасьте! Тут требовалась девочка?

— Тут.

— А сколько, мандам, платить будешь?

— Во-первых, я тебе не мандам и не ты! — строго осадил Анна Петровна. — Во-вторых, если она девочка послушная, не ленивая, три рубля в месяц платить буду.

— Обижать, мандам, изволишь.

— Ничуть.

— Что торговаться! Только ты уж будь милостива, не слишком наваливай работы. Силенки у нее, сама понимать должна, детские. За жалованьем будет приходиться хресный. Он недалече в артели работает, мостовщик.

— Ма-а-амка! — разревелась Дунька и прилипла к ее полушубку.

– Ну, чего?! Раскисла!

– Бо-о-юсь! Я не оста-а-нусь!

– Дура! Тебе тут хорошо будет! Мандам добрая, гостинцы дарить будет.

– Бо-о-юсь!...

– Нишкни! А то гляди у меня! – пригрозила мать и оторвала ее от полушубка, как улитку. – А теперь, мандам, прощай! Будущей зимой увидимся. – И она поклонилась в пояс.

Дунька после ухода ее забилась в угол и разревелась пуще.

– У-у-у, а-а-а!

Анна Петровна попробовала успокоить ее лаской. Но когда ласка не помогла, сердито топнула ногой и прикрикнула:

– Цыц! А то выброшу на улицу!

Дунька притихла.

– На, почисть! – И Анна Петровна сунула ей в руки нож и картофель.

Дунька, потихоньку всхлипывая, почистила картофель.

– Теперь возьми веник и подмети!

Дунька послушно взяла веник и подмела. Анна Петровна послала ее потом в лавочку за лампадным маслом, велела наколоть дров.

Прошел день, другой. Дунька перестала плакать, помирилась с новой обстановкой и исполняла все приказания хозяйки.

Первого числа к Анне Петровне явился здоровенный мужик в ситцевой рубахе, в огненно-красной бороде, со скошенным набок картузом и веселыми зелеными глазами. Он долго тыкался в дверь, пока открыл ее, и от него несло перегаром.

– Здорово, сударыня! Наше вам!...

– Ты кто?

– Я-то? Хресный. Как, значит, Дунька у вас, а я ей заместо отца родного. Позвольте с вашей милости три рубля серебром!... Уговор такой был...

– Да ты не наваливайся! – И она брезгливо отстранилась.

– Наваливаться?! Зачем?! Я только говорю, уговор такой был!...

– Подожди!

Анна Петровна пошла рыться в комод, а хресный разговорился с Дунькой.

– Как дела, Дуняша?

– Домой хочу!

– Чего?

– Скушно...

– Ску-ушно?! Дома, думаешь, веселее? Всю деревню сейчас как есть снегом засыпало. Брось убиваться-то!

Он покопался в кармане и достал связку баранок. Дунька перестала хныкать.

– Получи! – сказала, вернувшись, Анна Петровна и сунула ему три рубля.

– Покорнейше благодарим, сударыня! Сто лет здравствовать! Прощай, Дунька! Завтра писать буду вашим и беспрременно от тебя поклонюсь...

Наступила весна, за ней лето. Высоко поднялось солнышко. Зазеленело кругом, запели птички.

Дунька сделалась рассеянной. Сядет чистить картофель и задумается. Иной раз смахнет украдкой слезинку. Стала она потом исчезать. Пойдет в лавочку за вермишелью или за луком и исчезнет на час, полтора.

– Где была? – допытывается Анна Петровна.

Та опускает глаза, молчит.

И сейчас Дуньки нет.

– Дунька, Дунька! – не перестает звать из

окна Анна Петровна. – Противная девчонка! Иван! – остановила она дворника. – Не видал Дуньки? Беда мне с ней! Послала ее в час дня за керосином, уже – три, а ее все нет.

– Да она на чердаке!

– Что она там делает?

– А я почему знаю? Она каждый день лазит.

– Не понимаю! – пожала плечами Анна Петровна. Она оставила кухню и взобралась на чердак.

– Дунька, а Дунька! Ты здесь?

Ответа не последовало.

– Дунька!... Вот ты где!

Дунька стояла на коленях перед небольшим оконцем, от которого протянулся золотой столб пыли, разрезая тьму чердака. Около валялась жестянка от керосина.

Положив на каменный подоконник локти, она высунула свою белокурую головку с косичкой, сильно освещенную горячим солнцем, и смотрела вдаль блестящими, широкими глазами.

Вдали, за кривыми линиями крыш, растянулись поля. Желтел хлеб, строились, как сол-

даты, копны. Над копнами плыли грачи.

– Сумасшедшая! Ты упадешь! – воскликнула в ужасе Анна Петровна.

Дуня вздрогнула и обернулась.

– Ты что тут делаешь? – грозно накинулась Анна Петровна.

– Гляжу в поле, – мечтательно ответила Дунька.

– Поле? Какое тебе поле?!

– Там теперь вяжут снопы, косят, там хорошо.

– Я тебе дам «вяжут снопы», мерзкая девочка! Я ведь послала тебя за керосином. Ступай вниз! Марш!

Дунька вскочила, подобрала жестянку, метнула в последний раз глазами в оконце и бросилась вниз.

Анна Петровна засадила ее опять за картофель.